

№ 11 (44)
ноябрь
2013

Сделано с головой!

ОТКРЫТЫЙ ГОРОД

www.freecity.lv

**ЧП НА
ПЕРВОМ
БАЛТИЙСКОМ:
ИНТРИГИ,
КОНФЛИКТЫ,
ПРОГНОЗЫ**

**ЖЕНСКИЕ
ДУЭЛИ,
ИЛИ НОЖ ЗА
ПОДВЯЗКОЙ
ЧУЛКА**

**Я ФАН
ЧУЛПАН**

**КАК
РИЖАНИН СТАЛ
МОДНЫМ ПИСАТЕЛЕМ
В НЬЮ-ЙОРКЕ
И МОСКВЕ**

1,99 LVL
2,83 EUR
9,95 LTL

ISSN 1691-6131

9 771691 613008

Фото: иллюстрации из книги «Всемирная история поножовщины», nikolaiva

ЖЕНСКИЕ ДУЭЛИ, ИЛИ НОЖК ЗА ПОДВЯЗКОЙ ЧУЛКА

Отрывок из книги
Дениса Черевичника
«Всемирная история
ПОНОЖОВЩИНЫ»

В 90-е годы минувшего столетия синтез голливудской киноиндустрии, субкультуры комиксов и феминистического движения породил новый экранный женский образ. Яркими представителями этого амплуа стали девушка-киллер из культового фильма Люка Бессона «Никита» и школьница-убийца Гого Юбари из другой знаковой ленты — «Убить Билла» — хрупкие, большеглазые, затянутые в школьную форму или в коктейльные платья. Но ни субтильное сложение, ни высокие каблуки, ни маникюр совершенно не мешали экранным феям одним ударом хладнокровно отправлять в нокаут сотни злодеев-мужчин с комплекцией борцов сумо.

Опыт, элементарная логика и здравый смысл подсказывали большинству зрителей, что все эти героические деяния являются не более чем вымыслом сценаристов и популярным клише. Но, тем не менее, не одна доверчивая домохозяйка из числа поклонниц жанра, принявших эпические подвиги экранных героинь за чистую монету, пала жертвой искренней веры в собственную неуязвимость и всесилие. Резуль-

татом рухнувших при столкновении с жестокой реальностью иллюзий кроме разочарования становились солнечные очки, прикрывавшие под глазом радужные следы неудачной борьбы с мировым злом, и больничные койки.

Приходится признать, что большинство романтических историй о грозных дуэлянтках, наводивших ужас на мужчин, не имеют под собой реальной основы. В действительности прецеденты, в которых изящная дама в кружевах в открытом и честном бою нанизывала на шпагу оскорбителя-мужчину, легко пересчитать по пальцам.

Дамские дела чести

Взглянем на нашу шумевшие дамские *point d'honneur* — дела чести. Можно вспомнить один из первых в истории Европы женских поединков, когда в 1650 году неподалеку от Бордо на дуэли сошлись две сестры из знатного гасконского рода. Или бой за сердце Ришелье между графиней де Полиньяк и маркизой де Несль в 1721 году. Можно упомянуть и не менее известный поединок между двумя мексиканскими сеньоритами, Мартой Дюран и Хуаной Луной, имевший место в апреле 1900 года. Но есть один важный нюанс: в этих прославленных поединках, как и во многих других, дамы сражались исключительно с дамами.

Если же в кои-то веки барышни и скрещивали клинки с мужчинами, то, как правило, этими воительницами были вовсе не хрупкие и изящные блоковские незнакомки, не ундины Жуковского и не гетевские лорелеи, а, скорее, вагнеровские валькирии из германской мифологии. На дуэльные площадки выходили плотные, крепко сбитые мужеподобные особы с мужскими манерами и мужской мускулатурой, одетые в мужскую одежду.

Уместно будет вспомнить таких неоднозначных и противоречивых исторических персонажей, как легендарная женщина-воин Каталина де Эраусо, которой в 1625 году была посвящена пьеса Хуана Переса де Моталбана «Монахиня Алферес», или кавалерист-девица Дурова. Обе эти дамы покрыли себя славой и на полях сражений, и в поединках. Однако они бесконечно далеки от навязываемых массовой культурой романтических образов — с потемневших портретов на нас смо-

Женщина обладала ключом к чести семьи. Ее распутное поведение могло обесчестить семью, в то время как скромность хорошо отражалась на семейном союзе.

Женщины дерутся за панталоны. Джон Смит, первая половина XVIII века.

трят угрюмые лица андрогинов.

Уроженку Сан-Себастьяна Каталину де Эраусо, также известную под именем де Алферес, прославленную женщину-солдата первой половины XVII столетия, современники описывали как крайне мужеподобную особу. Педро де ла Вайе, встречавшийся с Эраусо в 1626 году, в письме из Рима к Марио Скипано вспоминал, что Каталина была «высокой и сильной, с мужской внешностью и неразвитой грудью». Эраусо призналась де ла Вайе, что избавиться от груди ей помогли специальные лекарства. Лицом она напоминала евнуха и одевалась в форму испанского солдата.

Недалеко от нее ушла и другая воинственная девица, участница Отечественной войны 1812 года, георгиевский кавалер Надежда Андреевна Дурова. Она всегда ходила в мужском костюме, носила мужскую прическу и требовала, чтобы к ней обращались исключительно Александр Андреевич Александров.

Но дело тут не в большей мышечной массе, скорости рефлексов или воинственности мужчин — дуэльные шпаги XVIII-XIX столетий были легкими, маневренными и не требовали особой физической силы. Кроме того,

С СИМВОЛИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, КИНЖАЛ ДЕМОНСТРИРОВАЛ ДРУГИМ МУЖЧИНАМ, ЧТО ДЕВУШКА ЗАМУЖЕМ ИЛИ ОБРУЧЕНА И ПРИНАДЛЕЖИТ ТОЛЬКО ОДНОМУ.

дамское фехтование было в моде, и немало девушек из высшего общества прекрасно владели этим оружием.

Но кроме факторов объективных существовали и более весомые причины. Одной из основных, если не главной, был тот факт, что во всех дуэльных культурах женщины были исключены из дискурса мужской чести. А это значит, что у прекрасных дам просто не было шансов доказать свое фехтовальное мастерство, так как их не допускали на дуэльные площадки и не вызывали на поединки, равно как и не принимали от них вызовы на дуэль. Возможно, многие из читателей-мужчин еще в детстве сталкивались с рудиментарной формой этой табуированной традиции, выслушивая нотации от родителей, что «с девочками драться нельзя».

Целомудрие вместо мужества

Ученые, антропологи и этнологи, изучавшие феномен чести в странах

Европы Нового времени, отмечали, что трактовка женской чести повсюду кардинально отличалась от интерпретации мужской. Женская честь рассматривалась исключительно как честь семьи, целомудрие, соблюдение сексуальных приличий, а кроме этого — и подчинение родственникам-мужчинам, оберегавшим эту честь от посягательства.

В культурах, где честь играет важную роль, основную ценность она представляет для мужчин. В некоторых сообществах, как, например, у многих бедуинских племен, считается, что женщины вообще не обладают честью, а в других культурах женская честь вторична или же имеет ограниченную природу. Частично это обусловлено тем, что женщины часто в большей или меньшей степени исключены из общественной жизни. Нередко в подобных сообществах честь женщины — это зеркальное отражение чести ее мужа. А там, где женщины все-таки

обладают личной честью, главным составляющим их чести является именно целомудрие.

Женщинам нечасто выпадал шанс продемонстрировать такие качества, как мужество в бою, и их возможности всегда были ограничены домашней сферой, поэтому если честь женщины ставилась под сомнение и ее следовало защитить, то этим обычно занимался мужчина.

Женский стыд как капитал семьи

Общеизвестно, что честь — тема парадоксальная. И одна из ее самых известных загадок — это влияние поведения женщины на мужскую честь. В силу своей сексуальной власти над мужчинами женщина обладала ключом к чести семьи. Ее распутное поведение могло обесчестить семью, а скромность хорошо отражалась на семейном союзе. От женщин, таким образом, ожидали культивации «стыда», в то время как честь мужчины определялась в зависимости от успеха в защите женщин его семьи от оскорблений. Следовательно, честь была реальным сегментом ресурсов семьи, ее, по выражению французского социолога и антрополога Пьера Бордю, «символическим капиталом», а также оружием, с помощью которого удовлетворялись вражда, амбиции и решались разного рода конфликты.

Смешение слов *honra* (честь) и *fama* (репутация), то есть индивидуального и социального аспектов понятия чести, отчетливо проявляется в литературных произведениях периода золотого века Испании, где в качестве причины бесчестия фигурирует либо неверность женщины, либо посягательство на ее добродетель. В этом случае обесчещен-

Молодая критянка со свадебным ножом.

Une femme grecque à la guerre
tante de (Grèce)
Критянка в мужском костюме.

ной являлась вся семья, все ее члены — не только муж, но и отец, брат, дядя. И все они имели равное право мстить. Случаи, когда женщины не желали, чтобы их личные обиды улаживали мужчины, встречались крайне редко.

Собственно говоря, подобная дифференциация была характерна для большинства культур и за пределами Средиземноморья. Скажем, нельзя утверждать, что трактовка мужской и женской чести в крестьянских сообществах России XIX столетия как-то кардинально отличалась от ее интерпретации в сельских общинах Средиземноморья. Во всех культурах и формальные, и народные дуэли

всегда были исключительно мужским занятием.

Свадебные ножи

Не исключено, что именно необходимость защитить себя от возможных нападений и стала одним из факторов, объясняющих появление к XIII веку в некоторых европейских странах традиции дарить девушкам в качестве свадебного подарка ножи. Эти свадебные ножи, как правило, были богато украшены, оправлены в золото и усыпаны драгоценными камнями. К XVI столетию мода дарить на свадьбу невесте нож прочно укоренилась в Европе. Женщины, получившие в подарок

ДЕНИС ЧЕРЕВИЧНИК — ПИСАТЕЛЬ «ПО НАСЛЕДСТВУ»

Денис Черевичник стал писателем, как он сам говорит, «по наследству». Когда-то пытался писать стихи, но однажды во сне ему явился отец (известный поэт и переводчик Леонид Черевичник. — Ред.), который всю жизнь воевал с графоманами, и погрозил пальцем. «Пришлось заняться научными трудами», — шутит Денис. Но литературная судьба нашла его и там.

Насилие между женщинами всегда рассматривалось не как защита чести, а лишь как результат женской порочности и приверженности к проявлению страстей.

Каталина де Эраусо (1952-1650).

нож, превратившийся к тому времени в дорогой аксессуар, чувствовали себя поднявшимися по социальной лестнице, так как в купеческой и мещанской среде ношение подобных ножей несло сильную снобистскую окраску.

На многих портретах той эпохи можно увидеть женщин с ножами, подвешенными у пояса рядом с сумочкой. Еще в 1597 году в «Ромео и Джульетте» Шекспир устами одного из персонажей настаивал, что Джульетта должна «носить свои свадебные ножи». И на «Атласе Европы» Джона Спиды 1626 года можно увидеть английчанку, держащую в руках сумочку и ножи. Светских дам со свадебными ножами любил изобра-

Кавалерист-девица Надежда Андреевна Дурова, она же — Александр Александров (1783-1866).

жать на своих гравюрах и известный немецкий художник XVI века Генрих Альдгревер.

В итальянской ножевой культуре, как и во многих других странах, дарить колющие предметы считалось дурным предзнаменованием. Однако автор монографии «Ножи Италии» профессор Джанкарло Баронти считает, что подобный подарок нес мощную сакральную нагрузку и выполнял символическую функцию оберега, что, очевидно, и должно было нейтрализовать его негативный потенциал. Кроме этого подарок имел фаллический смысл и нес явный сексуальный подтекст. Юноша, подаривший нож говорил этим:

«Я постоянен и тверд в своих намерениях, как лезвие этого ножа; любовь моя сильна, как сталь, из которой он сделан; а молодость моя преходяща, как перенчив свет на поверхности клинка».

«Ножи любви» не отличались большими размерами. Так, экземпляры *coltelli d'amore*, хранящиеся в музеях Рима и Турина, достигают в длину от 17 см и максимально до 32,8.

Аналогичный обычай сохранился и у другого средиземноморского соседа Италии — Греции. Там неотъемлемой частью костюма каждой обрученной или замужней жительницы Западного или Центрального Крита являлся *bassalaki*, он же *passalaki*. Это был маленький нож в серебряных ножнах, называемых *foukari*, — миниатюрная копия мужского ножа.

Критские девушки, как и мужчины, носили ножи на талии, за своими красно-голубыми шелковыми поясами, и ходили с ними на танцы и другие торжества. С символической точки зрения кинжал демонстрировал другим мужчинам, что девушка замужем или обручена и принадлежит только одному.

Позаботились о защите своей чести и достоинства и черноглазые дочери Севильи, Малаги и Мадрида. Наполеоновские солдаты во время оккупации Испании, а затем и многочисленные путешественники, посетившие Пиренейский полуостров в XIX веке, отмечали привычку испанских девиц носить с собой ножи за подвязкой чулка и пускать их в ход при малейшей угрозе своей чести.

Бытовые склоки и ревность

Как правило, основным поводом для женских поединков становились быто-

Ножевой бой и культура

После воинской службы в разведчастях, учебы на юфাকে ЛУ, а затем в университете Йорка (США), он поработал в правительственной охране, позанимался бизнесом в Чехии, послужил инвестиционным аналитиком в Дубае... За эти годы написал более 20 научно-популярных статей по истории боевых искусств, а также цикл научных работ по социальной истории и оружию. Два года назад отошел от бизнеса и погрузился в написание книги.

Недавно, весной 2013 года, вышел его уникальный труд «Всемирная история поножовщины». Это первое фундаментальное исследование культуры народных дуэлей, которые автор связывает с категориями этики и чести у разных народов.

В целом 5 лет у Дениса ушло на сбор материалов и написание книги. Откуда появилась такая необычная тема? Оказывается, для него она не такая необычная. Денис с детства увлекался борьбой и боксом. Состоял в сборной Латвии по морскому; многооборью. Потом развивал ножевой

бой в Латвии. А в 1999 году стал даже президентом Федерации традиционных боевых искусств Европы. Параллельно занимался научной работой — изучал социальную историю и культурную антропологию, а также публиковался со своими изысканиями в России и Украине.

«Я представляю академическое крыло федерации. Мы не пропагандируем ношение оружия, владение оружием, обучение тому или иному боевому искусству. Мы сохраняем культурное наследие», — поясняет писатель.

Казалось бы, тема довольно

специфическая, для узкого круга читателей, тем не менее, тираж в России ушел за месяц. Книга стала едва ли не самой популярной из изданных в Латвии.

Клятва на крестовине

Денис рассказал, что изначально книга писалась как научный труд. Но потом он добавил в нее занимательных исторических фактов, переписал более живым языком, и она стала доступна самой широкой аудитории. Но это не книга о ножах как таковых и не о приемах ведения боя. Автора интересо-

вые склоки и имущественные дразги. Не менее распространенной причиной, заставлявшей прекрасных дам взяться за нож, было соперничество за сердце мужчины. Поэтому насилие между женщинами всегда рассматривалось не как защита чести, а лишь как результат женской порочности и приверженности к проявлению страстей.

Нешуточные страсти кипели и в далекой заснеженной России. Вот что в 1906 году писала российская газета *Русское слово*: «Вчера в 12-м часу ночи на Тверской, около д. Елисеева, между встретившимися здесь двумя молодыми девушками, одна из которых была в сопровождении кавалера, произошла ссора. Бывшая с кавалером выхватив финский нож, нанесла им своей противнице несколько тяжелых ран. Раненая оказалась М. И. Хрусталева, 19-ти л. Ее подняли в безсознательном состоянии и отправили в больницу. Герои дикой расправы скрылись в толпе».

Поединки на шпильках

В итальянских источниках XIX века нередко встречаются описания дуэльной традиции жен каморристов Неаполя. Согласно правилам каморры, жена смещенного с поста или же погибшего каморриста могла претендовать на получение доли мужа. В случае возникновения каких-либо разногласий при решении этого вопроса она имела право вызвать на поединок жену каморриста, занявшего пост ее супруга. Оружием в этих боях служили ножи или же так называемые «спадин ди дженова» («генуэзские

ОРУЖИЕМ В БОЯХ СЛУЖИЛИ НОЖИ ИЛИ ЖЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ГЕНУЭЗСКИЕ ШПАЖКИ»: ДЛИННЫЕ И ОСТРЫЕ ЗАКОЛКИ ДЛЯ ВОЛОС, ИСПОЛЗУЕМЫЕ В ПРИЧЕСКАХ ИТАЛЬЯНСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ.

шпажки»): длинные и острые заколки для волос, используемые в прическах итальянскими женщинами всех классов.

На множестве жанровых сенок и портретов XIX века мы часто видим на головах итальянских женщин необычные украшения, напоминающие тиары. Кроме чисто декоративных функций у этих длинных и острых шпилек было и менее безобидное предназначение. На протяжении нескольких столетий их сопровождала мрачная слава коварного и смертоносного женского оружия.

Поединок на шпильках между двумя дамами, не поделившими любовника, описал в 1775 году известный русский журналист XVIII века Николай Иванович Новиков: «Любовницы досадою, ревностью и злобою воспаляются. Не древние на брань ополчаются амазонки, храбростию своею греков устранившие, не смертоносные из колчанов своих извлекают стрелы: две любовницы, женщины нашего века, выдергивают из шиньонов своих длинные булавки и мгновенно ими друг друга поражают. Обе поединницы приходят во исступление: злоба паче возгорается, удары повторяются, а любовник от места удаляется. Храбрые наши ирони, переколов друг другу и руки и бока и истощив свои силы, не победа соперницу, удивляются своей крепости».

Таким образом, можно констатировать, что ироничное выражение «подпустить шпильку» еще не так давно не являлось лишь фигурой речи.

Целомудрие и женская честь уходят в историю

За минувшее столетие мир изменился. Изменились и социальные, культурные и этические нормы. Такие понятия, как честь, достоинство, репутация, в западной культуре стали милыми и трогательными, но давно потерявшими практический смысл архаизмами. А когда-то такие фундаментальные понятия, как целомудрие и честь семьи, в системе современных западных ценностей и вовсе безвозвратно ушли в область казарменных анекдотов и непристойных шуток, и в новом европейском порядке стали считаться скорее постыдным недоразумением.

Не за горами тот день, когда под натиском воинствующего либерализма и гипертрофированной толерантности могут пасть последние традиционные нравственные и этические бастионы, и тогда женская честь окончательно станет анахронизмом, достоянием словарей редких и устаревших слов и займет свое место в этимологической кунсткамере среди других курьезов и диковинок. ○

вал этический уклон — что такое честь, мужская и женская, как менялись эти понятия у разных народов на протяжении веков.

«Нож всегда был символом чести, — говорит Денис. — На нем давали клятвы, клялись на крестовине ножа как на кресте. Если у дворян были мечи, шпаги, то у простонародья — ножи. Обычно когда говорят про культуру чести, то вспоминают исключительно про благородных. А я писал о народной, плебейской чести. То, что считалось поножовщиной, на самом деле было плебейской дуэлью с жесткими правилами, причем порой еще более жесткими, чем дуэльный кодекс дворянства».

Культура чести и ножевого боя — феномен католических стран. В России, Англии или

Франции из-за сильной исполнительной власти народ был законопослушным, и обидчиков тащили в суд, писали клеузы, а не вызывали на дуэль, рассказывает Черевичник. К примеру, в Англии протестантка королева Елизавета Тюдор указом запретила лендлордам отвечать вызовом на вербальные оскорбления, по сути, благородных сзров заставили глотать обиды. Вот откуда растет современная толерантность, считает Денис.

Зато в Испании, в Италии ножевой бой был очень распространен. Но не стоит считать, что это черта только южных народов. На ножах дрались и в Финляндии. Отсюда вошедшее в русский язык понятие «финский нож, финка». А многие путешественники по Голландии

упоминали, что там почти не встречалось мужчин без шрамов от ножа на лице, настолько это было популярно. Кстати, нож по-голландски назывался «сникерс». Вот такое боевое «Не торМОзи — сникерсни».

Для сбора материала автору пришлось поехать — по Европе, Америке, даже Африке... Было немало трудностей, например, в Италии, где все связано с мафией и где ножевые бои — табуированная тема, о которой стараются не упоминать. Почти то же в Испании, где официальные источники молчат про навахи.

Была и другая проблема — в Италии во многих областях до сих пор действует закон молчания, омерта. Начинаешь расспрашивать о чем-то запрет-

ном — и сразу все, и женщины, и дети, как будто глохнут. А у большинства мужчин на теле татуировка звезды — символ омерты.

Ливония — родина оборотней

В дальнейших творческих планах Дениса Черевичника — написание новой книги о... ливонских колдунах и оборотнях. Оказывается, в XV-XVII веках именно наши края, Ливонию, считали родиной оборотней, все они изначально пришли именно оттуда. Как родина вампиров — Трансильвания. Если поглубже копнуть эту тему, можно сделать еще один туристический аттракцион, а к имиджу Латвии добавить еще один штрих, уверен Денис.